

Заслуги Зейналабдина Тагиева перед азербайджанским народом

Гаджи Зейналабдин Тагиев - один из самых крупных предпринимателей и меценатов своего времени, он являлся также видным общественным деятелем, имя которого было широко известно далеко за пределами Азербайджана - как в Российской империи, так и на Востоке и в Европе.

Трудно назвать вторую такую личность в истории, которая, не занимая высоких должностей в государственной иерархии управления, не обладая рычагами власти, сыграла столь авторитетную роль в судьбе своего народа.

Недаром за Тагиевым еще при жизни закрепились такие неофициальные титулы, как "отец нации", "бог Кавказа", "гордость мусульманства" и др. Тагиева уважали. Тагиеву верили, к нему шли за помощью, за советом, к его мнению прислушивались. Этот авторитет, это безоговорочное влияние опирались прежде всего на почет и уважение, завоеванные общественно-полезными делами на благо развития, просвещения своих соотечественников.

В 1905 году на Южном Кавказе вспыхнули межнациональные столкновения, вылившиеся в кровопролитие между армянами и азербайджанцами. Жестокая расправа армян над бакинским жителем Ага Разой Бабаевым 6 февраля 1905-го произвела эффект разорвавшейся бомбы, когда напряжение в отношениях между двумя народами достигло максимального предела. Неоднократные провокации, чинимые армянами, убийства мирных горожан-азербайджанцев, усилившиеся с 1904 года, накаляли обстановку, поэтому, как отмечалось в архивном документе, "весть об убийстве Бабаева пронеслась по всему городу, особенно по мусульманским кварталам с быстротой молнии и взводила татарское население". (В документах той эпохи азербайджанцев называли татарами.)

В городе начались стрельба и убийства. В первый же день столкновения бакинский губернатор Михаил Накашидзе отдал распоряжение полиции, а также расквартированным в городе войскам и казакам восстановить порядок. Однако губернатор решил действовать не только силой, но и дипломатией.

В своем докладе 28 февраля 1905-го он сообщил:

"я, распорядившись, чтобы вся полиция была на своих местах, охраняя порядок, вы-

звал к себе двух влиятельных, почетных, пользующихся среди местного населения большим уважением лиц: одного мусульманина - Гаджи Зейналабдина Тагиева, а другого армянина - Амбарцума Меликова, которым передал все, что мне было известно по поводу убийства Бабаева, и, высказав им свое беспокойство по поводу дошедших до меня слухов, убедительно просил их собрать почетных и уважаемых горожан из армян и мусульман и вместе с ними успокоить население и не дать разгореться страстям. Тагиев и Меликов, по-видимому, хорошо поняли значение моего обращения к ним и выказали мне свою готовность исполнить просьбу. Как оказалось потом, Тагиев и Меликов не исполнили этого поручения, по заявлению Тагиева, потому что ни сам Меликов, ни другие влиятельные армяне не пришли к назначенному времени для совещаний и совместных действий".

Следует отметить, что к следственному делу об убийстве Бабаева и армяно-азербайджанской резне в феврале 1905-го были привлечены в качестве свидетелей сотни человек - полицейских чиновников, гласных думы, рядовых горожан, и все они давали показания по поводу увиденного или услышанного накануне и во время резни.

Не составил исключения и Тагиев, тем более что он был исполнителем очень важной, хотя и не состоявшейся миссии по успокоению населения и воцарению мира. Несомненно, что если бы эта миссия имела успех, то конфликт можно было подавить, не дав ему разрастись до ужасной трагедии. Интересно, как сам Тагиев

излагал поручение губернатора и его неудачный исход?

Обратимся к источнику:

"6 февраля, сейчас же после убийства Бабаева, меня и Амбарцума Меликова пригласил к себе губернатор и, рассказав нам об убийстве Бабаева и арестанта-татарина сопровождавшими его солдатами, просил, чтобы мы собрали армянское и мусульманское духовенство, а также почетных лиц с обеих сторон и постарались примирить обе нации, т.к., по его мнению, эти убийства могут вызвать большую беду.

Выйдя от губернатора, я предложил Меликову сейчас же зайти ко мне и составить список лиц, могущих заняться примирением, для представления губернатору, который обещал собрать указанных нами лиц. Но Меликов, желая раньше пообедать, обещал зайти ко мне лишь в 5 часов того же дня.

Однако не явился и в назначенный им срок, а только протелефонировал, что зайдет ко мне для составления списка в 10 часов следующего дня утром, но и тогда он не пришел. Я нахожу, что с его стороны это был громадный промах, ибо, если бы духовенство и представители татарского и армянского общества 6 или даже 7 числа занялись примирением, то погрома бы не было, его можно было остановить вначале".

Тагиев был прав, ибо в первый же день резни была возможность пресечь ее в корне. Кстати, история несостоявшейся миссии Тагиева и Меликова дает ответ на два весьма важных вопроса, связанных с историей февральской резни.

Во-первых, инициатива губернатора Накашидзе привлечь влиятельных представителей двух враждующих сторон для успокоения опровергает армянскую версию о причастности губернатора и в его лице - царской администрации к организации резни и сознательном потворстве беспорядкам. Многочисленные архивные документы подтвердили несостоятельность обвинений, возводимых на Накашидзе.

Во-вторых, армяне в лице А.Меликова сами отвергли предоставленный губернатором шанс покончить с резней уже 6 февраля, и это невольно наводит на мысль, что столкновения на межнациональной почве не только были выгодны армянам, но и в значительной степени спровоцированы ими самими.

Чем можно объяснить отказ Меликова от встречи с Тагиевым? К сожалению, следствие, допрашивавшее многих очевидцев февральских событий, не взяло показаний с Меликова, поэтому мы не можем сослаться на его личные объяснения. Можно лишь предполагать о мотивах, побудивших его отказаться от встречи с Тагиевым и принять на себя примирительную роль.

Меликов, являвшийся крупным нефтепромышленником, владельцем Загубинского водопровода, был, как и многие армянские промышленники и банкиры, негласным членом партии "Дашнакцутюн". Эта партия, исповедовавшая национал-сепаратизм, борьбу против Турции, а на определенном этапе - и против России, являлась главным дестабилизирующим фактором на Южном Кавказе, инициатором и организатором армянского террора в регионе в 1905-1906 гг.

Резня, разыгравшаяся в начале февраля, была выгодна многим оппозиционным правительству силам, пытавшимся еще больше усугубить и без того напряженную ситуацию в империи, поэтому, вполне вероятно, что Меликов, внешне выразив губернатору свою готовность исполнить возложенную на него и Тагиева миссию, изначально не собиравшись этого делать. Дашнакам была выгодна эта смута, и Меликов следовал тактике своей партии.

Кстати, спустя 13 лет - в 1918 г. - фамилия этого армянского миллионера вновь высветится в еще одной кровавой антиазербайджанской акции, учиненной армянами в Баку. В дни мартовского гено-

цида 1918 г., по свидетельству очевидцев, сам Меликов, его сыновья Сергей и Георгий, вооруженные ружьями, обещанные патроншами, разгуливали по улицам города, расстреливая мирных азербайджанцев.

В доме Меликова располагался Армянский национальный совет, который совместно с большевистским Бакинским советом и партией "Дашнакцутюн" играл главную роль в истреблении азербайджанского населения. Сам Меликов позже уехал в Астрахань, избежав преследования, а 20 февраля 1920 г. решением товарища прокурора Бакинского окружного суда против него, а также 21 армянина было прекращено уголовное преследование.

Не менее интересным является также следующий факт. Свидетель Лазарь Степанович Агабеков показывал в Комиссии присяжных поверенных для выяснения февральских событий, что Меликов в дни резни прятался в квартире губернатора. Получается, что Меликов прятался у Накашидзе, которого армяне с первых же дней объявили главным виновником резни, хотя чисто по идеологическим и этическим соображениям, казалось бы, Меликов должен был поступить иначе, ну, во всяком случае, не искать приюта у губернатора.

Но факт остается фактом: Меликов, то ли сознательно, то ли испугавшись, не пришел на встречу с Тагиевым, и резня, начавшаяся 6 февраля, продлилась до 9-го, обернувшись невиданным масштабом жертв и погромов.

Тагиев недвусмысленно заявлял, что армяне накануне резни стали выступать начинщиками различных провокаций против азербайджанцев: "Лишь в последние три года мне приходилось слышать жалобы татар на то, что армяне их обижали при встрече на улицах, отпуская разные остроты и насмешки, как к нации, стоящей ниже в культурном отношении, и стали к татарам относиться с некоторым презрением. Чем это объяснить, я положительно не знаю. Может быть, потому армяне стали так относиться к татарам, что последние не сочувствуют их противоправительственной деятельности, объясняя себе это несочувствие тем, что татары не досрости до них и не понимают пользы, которой они добиваются своим противоправительственным движением".

(Продолжение следует)